

RU

Лингвопрагматические механизмы легитимации власти в условиях кризиса: на материале немецкого парламентского дискурса

Перминова Г. В.

Аннотация. Цель исследования – выявление лингвопрагматических механизмов легитимации власти представителей правящей коалиции и федерального правительства Германии в условиях кризиса. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые выявлены универсальные и уникальные лингвопрагматические механизмы легитимации власти в немецком парламентском дискурсе, установлена зависимость выбора тактик самозащиты, иллокутивных актов и стилистических приемов от вида кризиса и партийной принадлежности, систематизированы закономерности речевого поведения политических акторов в различных кризисных контекстах. В качестве центрального аналитического инструмента выделяется стратегия самозащиты, трактуемая как универсальный механизм легитимации власти в условиях кризиса. В результате исследования установлено, что стратегия самозащиты в условиях кризиса находит выражение в сдвиге акцента с индивидуальной защиты на коллективную, уходе от критики оппонентов в пользу апеллирования к солидарности. Выделены и обоснованы новые для кризисной парламентской коммуникации тактики самозащиты: признание ошибок и готовность к корректирующим действиям. Доказано, что универсальным механизмом легитимации власти в условиях кризиса являются применение тактики оправдания, преобладание репрезентативных и директивных речевых актов. Определены уникальные механизмы, позволяющие политическим акторам адаптировать речевое поведение к специфике каждого кризиса в ответ на меняющиеся общественные ожидания и вызовы.

EN

Linguo-pragmatic mechanisms of power legitimization in crisis situations: based on German parliamentary discourse

G. V. Perminova

Abstract. The research aims to identify the linguo-pragmatic mechanisms for the legitimization of power by representatives of the ruling coalition and the federal government of Germany in crisis situations. The research is novel in that it is the first one to identify universal and unique linguo-pragmatic mechanisms for the legitimization of power in German parliamentary discourse, to establish the dependence of the choice of self-defense tactics, illocutionary acts, and stylistic devices on the type of crisis and party affiliation, and to systematize the patterns of speech behavior of political actors in various crisis contexts. The strategy of self-defense, understood as a universal mechanism for the legitimization of power in crisis situations, is highlighted as the central analytical tool. As a result of the research, it was found that the strategy of self-defense in crisis situations finds expression in shifting the emphasis from individual protection to collective protection and moving away from criticism of opponents in favor of appealing to solidarity. New self-defense tactics that are new for crisis parliamentary communication have been identified and substantiated: acknowledging mistakes and willingness to take corrective actions. It has been proven that the application of justification tactics and the predominance of representative and directive speech acts are universal mechanisms for the legitimization of power in crisis situations. Unique mechanisms have been identified that allow political actors to adapt speech behavior to the specifics of each crisis in response to changing public expectations and challenges.

Введение

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью политической коммуникации в условиях кризисов, когда эффективность власти напрямую зависит от успешной легитимации ее действий через речевые

стратегии. Стратегия самозащиты выступает ключевым инструментом речевой легитимации власти, позволяя политикам в период острых парламентских дебатов в процессе обсуждения антикризисных законодательных инициатив оправдывать свои действия, смягчать критику и формировать позитивный имидж компетентного и ответственного субъекта власти. Анализ тактик стратегии самозащиты позволяет выявить конкретные лингвопрагматические механизмы, с помощью которых политики оправдывают свои решения и формируют доверие общества. Таким образом, изучение данных механизмов способствует пониманию и совершенствованию кризисной коммуникации, что является важным для поддержания политической стабильности, легитимности власти, повышения эффективности речевого поведения политиков в кризисных ситуациях.

Для достижения поставленной цели обозначены и реализованы следующие задачи: проведен анализ теоретической литературы, уточнено определение стратегии самозащиты в условиях кризисной коммуникации, отобран эмпирический материал, классифицированы тактики самозащиты и иллюкутивные акты, используемые представителями правящей коалиции и федерального правительства с целью легитимации власти, осуществлена интерпретация прагматических средств самозащиты с учетом контекстуальных факторов.

Для решения задач, определенных в исследовании, применялся комплексный подход к анализу речевого поведения представителей правящей коалиции и федерального правительства в условиях кризисной коммуникации, сочетающий методы теоретического анализа, дискурс-анализа, лингвопрагматического и количественного анализа. Метод теоретического анализа применялся для систематизации фактического материала, обнаружения теоретических лакун в изучении стратегии самозащиты в условиях кризиса, установления теоретической рамки для уточнения определения стратегии самозащиты в условиях кризисной коммуникации и методологического инструментария для анализа речевого поведения представителей правящей коалиции и федерального правительства. Метод дискурс-анализа позволил выявить и классифицировать тактики самозащиты в речевом поведении депутатов согласно классификации, разработанной О. Н. Паршиной (2005). Лингвопрагматический анализ речевого поведения позволил выявить, каким образом языковые средства и речевые акты способствовали реализации коммуникативных намерений власти в условиях кризиса, обеспечивая легитимацию власти и адаптацию дискурса к меняющейся социальной и политической ситуации. Метод количественного анализа использовался для выявления наиболее частотных тактик, репрезентирующих самозащиту с целью легитимации власти. Комплексное применение указанных методов обеспечило выявление лингвопрагматических механизмов легитимации власти в условиях кризиса.

Теоретическую базу настоящего исследования формируют научные изыскания в области теории легитимации (Wodak, Meyer, 2009; Колмогорова, 2018), теории дискурса (Арутюнова, 1999; Шейгал, 2004; Dijk, 2006), политической коммуникации (Чудинов, 2006; Burkhardt, 2003; Dieckmann, 1975), речевых актов (Остин, 1986; Серль, 1986; Паршина, 2005), речевого и коммуникативного поведения (Стернин, 1987; Глушак, 2010), кризисной коммуникации (Benoit, 1995; 1997; Wodak, Chilton, 2005; Hearit, 2004; Coombs, 2022; Почепцов, 2001; Кармак, 2007; Рядовая, 2013; Чурашова, 2013), теории речевого воздействия (Демьянков, 2002; Иссерс, 2008; Пильгун, 2019).

Материалом для исследования послужил корпус протоколов пленарных заседаний бундестага за 2008–2023 гг., в которых отражено обсуждение антикризисных законодательных инициатив (Deutscher Bundestag. Protokolle). Совокупный объем составляет 888 страниц.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что выявленные лингвопрагматические механизмы легитимации власти могут быть использованы политиками, спичрайтерами и консультантами для повышения эффективности политической коммуникации, снижения конфликтного потенциала и укрепления доверия общественности в условиях острых политических и социальных кризисов. Результаты исследования позволяют разработать рекомендации по совершенствованию стратегии самозащиты в условиях кризисной парламентской коммуникации. В образовательном процессе результаты могут быть использованы в преподавании дисциплин по лингвистике, сопоставительной лингвистике, межкультурной коммуникации и политическому дискурсу, а также для симуляции парламентских дебатов и Модели Организации Объединенных Наций (ООН), где студенты смогут применить выявленные механизмы легитимации власти.

Обсуждение и результаты

В условиях многократных кризисов, охвативших Германию в XXI веке (финансового кризиса 2008 года, миграционного кризиса 2015 года, пандемии COVID-19, энергетического кризиса 2022–2023 гг.), легитимация власти стала ключевой задачей для представителей правящей коалиции и федерального правительства. Анализ теоретической литературы по проблеме исследования лингвопрагматических механизмов легитимации власти представителями правящей коалиции и федерального правительства через призму стратегии самозащиты позволил выявить как значительный консенсус в научном понимании данного феномена, так и противоречия и методологические пробелы.

Так, английский социолог и политолог Дэвид Битэм (Beetham, 1991, р. 65) в монографии «Легитимация власти» (The Legitimation of Power) выделяет нормативные и дескриптивные аспекты легитимности, подчеркивая, что легитимация – это не только соответствие власти нормам, но и признание этих норм обществом. Французский социолог Пьер Бурдьё (Bourdieu, 1987, р. 23) акцентирует внимание на «символической власти» как способности навязывать легитимные представления через язык и дискурс. Представители теории критического дискурс-анализа (Дейк, 2013; Leeuwen, Wodak, 1999) рассматривают легитимацию как результат

языковых стратегий, направленных на оправдание и институционализацию власти: авторизации, моральной оценки, рационализации и мифопоэтики. Антонио Рейес (Reyes, 2011, p. 804) выделяет следующие стратегии легитимации, которые могут использоваться индивидуально или в сочетании с другими и оправдывать социальную практику с помощью эмоций (в частности страха), гипотетического будущего, рациональности, мнения экспертов и альтруизма.

В трудах отечественных ученых признается, что легитимация власти в политическом дискурсе – это сложный дискурсивный процесс, обусловленный контекстуальными и культурными особенностями, направленный на трансформацию изначально отвергаемых обществом политических решений в воспринимаемые как оправданные и необходимые (Колмогорова, 2018, с. 35). Стратегия самозащиты (апология) рассматривается как ключевой лингвопрагматический механизм, посредством которого власть оправдывает свои действия, защищает репутацию и формирует позитивный образ в условиях кризиса. Апология реализуется с помощью тактик – концессия, извинение, оправдание, отказ/отрицание, корректирующие действия, – направленных на защиту репутации (Чурашова, 2013, с. 9). Особое внимание уделяется роли директивных, экспрессивных и комиссионных речевых актов, которые способствуют мотивации аудитории, демонстрации контроля и укреплению доверия (Spieß, 2021). Анализ речевых стратегий и тактик федерального канцлера Олафа Шольца выявляет типичный для кризисного политического дискурса набор тактик: самопрезентацию, аргументацию, формирование эмоционального настроя, призывы к солидарности и ответственности, что коррелирует с функциями стратегии самозащиты, включая демонстрацию лидерства, завоевание доверия и убеждение в контроле над ситуацией (Зими́на, 2022).

Несмотря на значительный консенсус, в научных работах наблюдаются определенные ограничения. Во-первых, многие исследования сосредоточены на речевом поведении глав государств (Рядовая, 2013) или федеральных канцлеров (Spieß, 2021; Зими́на, 2022), что ограничивает понимание лингвопрагматических механизмов легитимации на уровне парламентариев, в частности представителей правящей коалиции и федерального правительства, на материале выступлений которых будет построено наше исследование. Во-вторых, ряд авторов (Пильгун, 2019) рассматривает кризисный дискурс преимущественно в рамках жанровой и идеологической перспективы, уделяя недостаточное внимание политическому дискурсу как таковому и не раскрывая лингвопрагматические механизмы на уровне речевых актов, что снижает глубину прагматического анализа и ограничивает понимание стратегии самозащиты как комплексного речевого феномена. В-третьих, трактовка самозащиты как исключительно «обороны» или «наступления» в сочетании с агональными средствами воздействия (Паршина, 2005, с. 15), защитной речи (апологии), направленной на освобождение от обвинений (Чурашова, 2013, с. 9), гиперстратегии, направленной на сохранение собственного имиджа в ответ на имидженарушающие действия оппонента (Крячкова, 2019, с. 46), опровержения обвинений в свой адрес, отвода от себя негативной или агрессивной информации и смягчения ответственности за совершенные проступки или преступления (Хлопотунов, 2022, с. 113), отстаивания своих интересов, своей позиции (Дойникова, 2025, с. 847) представляется узкой для условий кризиса, где самозащита должна рассматриваться как многофункциональная гибкая стратегия, включающая проактивное формирование позитивного образа власти и легитимацию новых политических решений.

Таким образом, современное состояние научного знания о лингвопрагматических механизмах легитимации власти в условиях кризиса характеризуется значительным прогрессом в теоретическом осмыслении и эмпирическом анализе, однако требует дальнейшего развития в направлении выявления и уточнения тактик, языковых средств и прагматических маркеров, обеспечивающих адаптацию и оправдание спорных политических решений, включая как универсальные, так и уникальные механизмы, характерные для каждого кризисного периода. Наше исследование призвано восполнить существующие методологические и эмпирические пробелы, расширяя теоретическую и практическую базу лингвопрагматического анализа легитимации власти в условиях многократных кризисов на материале речевого поведения представителей правящей коалиции и федерального правительства через призму стратегии самозащиты.

Опираясь на определение речевой стратегии О. И. Иссерс (2008), под лингвопрагматическими механизмами легитимации власти в условиях кризиса нами понимается совокупность целенаправленных речевых действий и языковых средств, реализуемых в рамках стратегии самозащиты, которые позволяют политическим акторам адаптировать и оправдывать свои решения и действия, изначально вызывающие сомнения или сопротивление, трансформируя их в воспринимаемые обществом как легитимные, необходимые и соответствующие социально-политическим нормам и ожиданиям. Стратегия самозащиты выступает ключевым механизмом, посредством которого власть в кризисной коммуникации осуществляет не только реактивную защиту от обвинений, но и проактивное формирование позитивного образа и восстановление легитимности через адаптацию речевого поведения к изменяющимся социальным ожиданиям. Стратегия самозащиты включает гибкое варьирование тактик оправдания, акцентирования положительного, признания проблемы и собственных ошибок, противопоставления, готовности к корректирующим действиям и реализуется преимущественно репрезентативными и директивными иллокутивными актами, что позволяет адаптировать изначально отторгаемые обществом решения к социально-политическим ожиданиям и нормам в условиях высокой неопределенности.

Эмпирическую базу исследования составляют выступления ключевых представителей правящей коалиции в дебатах по обсуждению антикризисных мер в период с 2008 по 2023 г., представленные в стенограммах протоколов заседания бундестага, общим объемом 1 900 высказываний (86 000 лексических единиц) (Deutscher Bundestag. Protokolle). При отборе эмпирического материала мы ориентировались на состав правящих коалиций в период с 2008 по 2023 г. и включали в анализ только выступления тех политиков, которые входили в состав правящей коалиции и федерального правительства в соответствующее время.

Процесс выявления лингвопрагматических механизмов легитимации власти через призму стратегии самозащиты в речевом поведении представителей правящей коалиции и федерального правительства был реализован в несколько взаимосвязанных этапов, объединяющих как структурный, так и прагматический анализ. На первом этапе осуществлялось семантическое сегментирование стенограммы выступления с выделением смысловых блоков, в которых потенциально могли содержаться элементы стратегии самозащиты. Второй этап включал выделение высказываний, обладающих признаками лингвопрагматических механизмов легитимации, таких как оправдание, признание вины, противопоставление, критика и др. На третьем этапе проводился лингвопрагматический анализ речевых актов и языковых средств, реализующих коммуникативные цели самозащиты и легитимации. Соотнесение выявленных высказываний с тактиками политического дискурса на основе классификации О. Н. Паршиной (2005) и речевыми актами на основе классификации Дж. Серля (1986) обеспечило методологическую обоснованность и позволило выявить комплекс лингвопрагматических механизмов, посредством которых власть осуществляет легитимацию в условиях кризиса. Процесс идентификации высказываний, относящихся к стратегии самозащиты, подробно описан нами ранее (Перминова, 2025).

Для речевого поведения представителей правящей коалиции и федерального правительства во всех кризисах характерно применение **тактики оправдания** непопулярных мер посредством ссылок на необычные времена, сложность ситуации, давление проблем, масштаб угрозы и отсутствие готовых решений. Количество высказываний, содержащих оправдание, составляет 21,7% (всего 412 высказываний). В речевом поведении преобладают репрезентативные речевые акты, формирующие у аудитории ощущение неизбежности и логичности решений. Рассмотрим это на примерах ниже.

В репрезентативе (1) депутат Христианско-демократического союза Майкл Мейстер оправдывает необходимость принятия этого же законопроекта посредством подчеркивания исключительности ситуации, требующей решительных мер. Метафоры *vor der größten Herausforderung* и *keine Blaupause* призваны смягчить негативную коннотацию и облегчить восприятие кризисных мер:

(1) Dr. Michael Meister (CDU): **Wir** stehen in dieser Woche als Deutscher Bundestag **vor der größten Herausforderung** seit 1989/90, als wir die Frage zu beraten hatten, wie wir die deutsche Einheit realisieren. Für diese Aufgabe gibt es **keine Blaupause** (Plenarprotokoll 16/182, 15.10.2008, S. 29). / «На этой неделе мы, как члены Бундестага Германии, столкнулись с самой большой проблемой со времен 1989/90 года, когда нам приходилось обсуждать вопрос о том, как мы реализуем единство Германии. Для этой задачи нет готового плана решения» (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Г. П.).

В репрезентативе (2) министр внутренних дел ФРГ (2009-2013) Томас де Мезьер оправдывает принятие предлагаемого пакета мер по преодолению миграционного кризиса необходимостью смелых, разумных и жестких решений. Триада *Mut, Geduld und Ausdauer* подчеркивает многогранность необходимых качеств, трехкратное повторение *großzügige, vernünftige und harte Entscheidungen* усиливает эффект от перечисления характеристик решений. Местоимение *wir* подчеркивает коллективную ответственность:

(2) Dr. Thomas de Maizière, Bundesminister des Innern (CDU): **Wir** werden **Mut, Geduld und Ausdauer** brauchen, und wir brauchen eine Politik, **die großzügige, vernünftige und harte Entscheidungen** treffen kann. Dieser Gesetzentwurf ist ein wichtiger Teil davon (Plenarprotokoll 18/127, 01.10.2015, S. 12). / «Нам понадобятся мужество, терпение и настойчивость, и нам нужна политика, способная принимать щедрые, разумные и жесткие решения. Этот законопроект является важной его частью».

В декларативном речевом акте (3) министр финансов Олаф Шольц (2018-2021) оправдывает отсутствие готовых решений по преодолению кризиса сложностью ситуации в рамках обсуждения законопроекта о защите населения в случае эпидемической ситуации национального масштаба (Entwurf des Gesetzes zum Schutz der Bevölkerung bei einer epidemischen Lage von nationaler Tragweite) при помощи метафоры *kein Drehbuch*, усиливая впечатление активности правительства при помощи градации *alles Nötige und alles Mögliche*:

(3) Olaf Scholz, Bundesminister der Finanzen (SPD): Meine Damen und Herren, in dieser Situation tun **wir als Bundesregierung alles Nötige und alles Mögliche**, um die wirtschaftlichen und sozialen Folgen der Krisenbewältigung abzumildern. Dafür gibt es **kein Drehbuch** (Plenarprotokoll 19/154, 25.03.2020, S. 9). / «Дамы и господа, в этой ситуации мы, федеральное правительство, делаем все необходимое и все возможное, чтобы смягчить экономические и социальные последствия кризисного регулирования. Для этого нет сценария».

Таким образом, преобладание тактики оправдания в речевом поведении во всех кризисах свидетельствует о том, что представители коалиции и федерального правительства стремятся легитимировать власть и сохранить доверие к ней преимущественно посредством рационализации собственных действий.

Тактика оправдания может комбинироваться в речевом поведении с **тактикой признания проблемы**.

В репрезентативе (4) министр финансов признает, что процедура принятия закона о стабилизации финансового рынка (Finanzmarktstabilisierungsgesetz – FMStG) является общим требованием (Zumutung), но оправдывает это эпитетом *in ungewöhnlichen Zeiten* и метафорой *bei dem Problemdruck*. Употребление местоимения *wir* в качестве прагматического приема подчеркивает единство и взаимную ответственность:

(4) Peer Steinbrück, Bundesminister der Finanzen (SPD): Ich weiß, das ist eine **Zumutung**; aber **in ungewöhnlichen Zeiten**, in denen **wir** sind, und **bei dem Problemdruck**, unter dem **wir** stehen, sind ungewöhnliche Verfahren erforderlich (Plenarprotokoll 16/182, 15.10.2008, S. 14). / «Я знаю, что это требование; но в необычные времена, в которых мы находимся, и в условиях давления проблем, с которым мы сталкиваемся, требуются необычные процедуры».

(5) Dr. Robert Habeck, Bundesminister BMWK: Was ich damit sagen will, ist: **Wir sollten uns ehrlich machen. Es gibt ein Spannungsverhältnis** – man wäre blind, das zu ignorieren, – aber **wir sollten nicht aufhören, dafür zu arbeiten, das Mögliche** immer wieder zu **erweitern** und machbar zu machen, **dafür zu arbeiten**, die Optionen,

die die Politik und das Land haben, zu erweitern (Plenarprotokoll 20/109, 15.06.2023, S. 76). / «Мы должны быть честны с собой. Существует определенное противоречие – было бы глупо это игнорировать, но мы не должны переставать работать над тем, чтобы постоянно расширять и реализовывать возможное».

Фрагмент (5) реализован репрезентативным и директивным иллюкутивными актами, выражая одновременно признание существующего напряжения в работе над законопроектом и призыв к действию по его корректировке *Wir sollten uns ehrlich machen* и *wir sollten nicht aufhören*, а стилистические приемы – анафора *dafür zu arbeiten*, метафора *das Mögliche erweitern* – усиливают мотивационный эффект.

Второй по частоте использования является **тактика акцентирования положительного** (16,1%, 306 высказываний), дополняющая стратегию самозащиты. Данная тактика относится, согласно классификации О. Н. Паршиной (2005), к информационно-интерпретационной стратегии. Выделение положительных аспектов призвано укрепить доверие, продемонстрировать эффективность и легитимность принимаемых мер, а также поддержать моральный дух аудитории в сложной кризисной ситуации.

Так, в 2008 году, в первом чтении закона о реализации комплекса мер по стабилизации финансового рынка (Gesetz zur Umsetzung eines Maßnahmenpakets zur Stabilisierung des Finanzmarktes (Finanzmarktstabilisierungsgesetz – FMStG)) представители правящей коалиции и правительства активно используют слова положительной оценочности, подчеркивая своевременность, эффективность, прозрачность мер и коллективную ответственность (фрагменты 6-7): *zum richtigen Zeitpunkt, deutlich machen, natürlich verstehen können, Wirkung gezeigt, zur Beruhigung beigetragen, wollen wir sichern*:

(6) Michael Glos, Bundesminister für Wirtschaft und Technologie (CSU): Ich meine, dass wir das Maßnahmenpaket, über das wir heute entscheiden, **zum richtigen Zeitpunkt** geschnürt haben. Bereits bevor dieses Paket abschließend verabschiedet ist, hat es auf den internationalen Märkten **Wirkung** gezeigt. Es hat **zur Beruhigung** beigetragen (Plenarprotokoll 16/184, 17.10.2008, S. 72). / «Я считаю, что пакет мер, по которому мы сегодня принимаем решение, был сформирован в нужный момент. Еще до его окончательного утверждения он уже оказал положительное влияние на международные рынки и способствовал их стабилизации».

Во фрагменте (7) руководитель парламентской группы Социал-демократической партии Германии (СДПГ) и представитель партии в финансовом комитете Нина Хауэр демонстрирует готовность правящей коалиции не защищать интересы банков, а корректировать политику в соответствии с общественными ожиданиями – сделать акцент на защите граждан и их сбережений. Местоимение *wir*, анафора *den Banken und schon gar nicht den Bankern zu helfen*, эвфемизм *herauszuhauen*, перечисление *Die Notgroschen, die Altersvorsorge und das* способствуют усилению убедительности высказывания, создают эффект открытости и коллективной сопричастности, что особенно важно в кризисной политической коммуникации. Директивный речевой акт *Wir wollen in dieser Debatte deutlich machen* выражает намерение донести до аудитории важную информацию, комиссивный акт *das wollen wir sichern* выражает обязательство или обещание защитить сбережения простых граждан, что в совокупности формирует образ власти, принимающей ответственные и продуманные меры:

(7) Nina Hauer (SPD): **Wir** wollen in dieser Debatte **deutlich machen**, dass wir das natürlich **verstehen können**, dass es aber nicht darum geht, **den Banken** und schon gar nicht **den Bankern** zu helfen oder sie “herauszuhauen” aus der Situation, die sie zu verantworten haben. **Die Notgroschen, die Altersvorsorge** und das, was zurückgelegt worden ist, das **wollen wir sichern** (Plenarprotokoll 16/182, 15.10.2008, S. 33). / «Мы хотим в ходе этих дебатов четко обозначить, что мы, конечно, это можем понять, но речь не о том, чтобы помогать банкам и уж тем более банкирам или “вытаскивать” их из ситуации, за которую они сами несут ответственность. Мы хотим защитить сбережения граждан на черный день, их пенсионные накопления и все то, что было отложено».

Во втором и третьем чтениях этого же закона (фрагменты 8-10) руководитель фракции СДПГ доктор Питер Штрук, лидер парламентской группы правящей фракции ХДС/ХСС (Христианско-демократического союза Германии и Христианско-социального союза в Баварии) в немецком бундестаге 2005-2018 гг. Фолькер Каудер и член Социал-демократической партии Германии доктор Ханс-Ульрих Крюгер реализуют репрезентативные речевые акты, дополненные элементами похвалы и выражения ответственности, что способствует легитимации власти правящей коалиции. Стилистические приемы усиления положительного эффекта: гипербола *das größte Finanzmarktrettungspaket*, метафора *die Wiederherstellung des Vertrauens*, перечисление *Die Regierung, die Koalition, aber auch das Parlament*, метонимия *Kraftakt* формируют образ решительных, ответственных и эффективных субъектов власти. Слова положительной оценочности *beispiellos, robust, größte, Verantwortung, leisten* создают позитивный контекст и укрепляют доверие аудитории:

(8) Dr. Peter Struck (SPD): **Die Regierung, die Koalition, aber auch das Parlament** haben in einem **beispiellosen Kraftakt** das Ihre zur Bewältigung der Finanzmarktkrise **geleistet** (Plenarprotokoll 16/184, 17.10.2008, S. 5). / «Правительство, коалиция, а также парламент приложили беспрецедентные усилия для преодоления кризиса на финансовом рынке».

(9) Volker Kauder (CDU/CSU): Wir schnüren heute **das größte Finanzmarktrettungspaket** in der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland... In dieser Woche kam es auf **uns** an, und **wir** sind unserer Verantwortung gerecht geworden (Plenarprotokoll 16/184, 17.10.2008, S. 9). / «Сегодня мы формируем крупнейший пакет по спасению финансового рынка в истории Федеративной Республики Германия... На этой неделе все зависело от нас, и мы справились со своей ответственностью».

(10) Dr. Hans-Ulrich Krüger (SPD): Die Große Koalition hat **robust** reagiert, um **die zentrale Aufgabe** zu **erfüllen**: die **Wiederherstellung des Vertrauens** zwischen den Marktteilnehmern (Plenarprotokoll 16/184, 17.10.2008, S. 23). /

«Большая коалиция действовала решительно, чтобы выполнить центральную задачу: восстановление доверия между участниками рынка».

Таким образом, в ходе парламентских дискуссий по обсуждению законопроекта о стабилизации финансового рынка 2008 года (Gesetz zur Umsetzung eines Maßnahmenpakets zur Stabilisierung des Finanzmarktes (Finanzmarktstabilisierungsgesetz – FMStG)) представители правящей коалиции активно используют тактику акцентирования положительного как один из ключевых механизмов легитимации власти в кризисной ситуации, что крайне важно для успешного преодоления сложных ситуаций и сохранения социальной стабильности. На примере первого и последующих чтений данного закона наблюдаются заметные изменения в риторике представителей правящей коалиции. Так, в первом чтении акцент делается на информировании и объяснении сути законопроекта с усиленным использованием слов, придающих уверенность и подчеркивающих эффективность мер: *wirksam, zum richtigen Zeitpunkt, zur Beruhigung beigetragen*. Во втором и третьем чтениях риторика становится более легитимирующей посредством использования таких средств, как гипербола *das größte Finanzmarktrettungspaket*, метафора *die Wiederherstellung des Vertrauens*, метонимия *Kraftakt*, и коллективного позиционирования, что формирует образ власти как решительного, ответственного и эффективного субъекта.

Отличительной особенностью реализации стратегии самозащиты в поздних кризисах (COVID-19, энергетический кризис 2022 года) является реализация **тактики** косвенного или прямого признания ошибок или недостаточности прежних действий правительства. Данная тактика составляет 2,8% (54 высказывания) и относится к «гибким» тактикам, что обусловлено спецификой кризисной коммуникации, а именно необходимостью принятия неудобных антикризисных мер, вызывающих острую критику и внутренние разногласия, что усиливает общественный запрос на честность и открытость власти.

Так, в репрезентативе (11) канцлером признается серьезность ситуации, что косвенно указывает на то, что ранее правительство возможно недооценивало угрозу и прошлые меры оказались неэффективными. Легитимация осуществляется через эмоциональное признание и анафору *ernst, und zwar sehr Ernst*, использование *leider* в качестве маркера сожаления и ответственности для оправдания жестких мер:

(11) Dr. Angela Merkel, Bundeskanzlerin (CDU): Denn ich muss es auch heute **leider** wieder sagen: Die Lage ist **ernst**, und zwar sehr **ernst** (Plenarprotokoll 19/222, 16.04.2021, S. 6). / «Потому что, к сожалению, я снова должна сказать это сегодня: ситуация серьезная и очень серьезная».

(12) Dr. Robert Habeck, Bundesminister BMWK (BÜNDNIS 90 / DIE GRÜNEN): Aber **der Eingang ändert sich**, weil sich einerseits die gesellschaftliche Debatte verändert hat – **das ist richtigerweise zuzugeben** – und wir gleichzeitig andere Möglichkeiten geschaffen haben (Plenarprotokoll 20/109, 15.06.2023, S. 76). / «Однако вводная часть закона меняется, потому что, с одной стороны, общественная дискуссия изменилась – и это правильно признать – а с другой стороны, мы создали новые возможности».

(13) Dr. Robert Habeck, Bundesminister BMWK (BÜNDNIS 90 / DIE GRÜNEN): Dann ist Folgendes passiert – **das konstatiere ich**: – Diese Bedrohungslage ist durch **eine große gemeinsame Kraftanstrengung** handhabbar gemacht worden, im besten Fall verschwunden. Und das **hat** die Debatte **verändert**. Deswegen **verändert sich** jetzt auch der Gesetzentwurf... und zwar – und auch das ist neu, – indem wir die kommunale Wärmeplanung verpflichtend vorsehen... Damit **ändert sich**, wie dargestellt, der Eingang in das Gesetz (Plenarprotokoll 20/109, 15.06.2023, S. 76). / «Произошло вот что – я это констатирую: эта угроза была преодолена благодаря большим совместным усилиям, в лучшем случае она исчезла. И это изменило обсуждение. Поэтому сейчас меняется и сам законопроект... причем – и это тоже новшество – мы предусматриваем обязательное муниципальное планирование теплоснабжения... Таким образом, как показано, меняется введение в закон».

Во фрагментах (12-13) сопредседатель партии «Союз 90 / Зеленые» (2018-2022 гг.) Роберт Хабек признает необходимость перемен в ответ на изменившуюся ситуацию. Эвфемизм *der Eingang ändert sich* служит для нейтрализации негативной реакции со стороны оппозиции. Анафора *verändert sich* демонстрирует взаимосвязь процессов и готовность к изменениям, метафора *eine große gemeinsame Kraftanstrengung* подчеркивает необходимость огромных совместных усилий, иллюстрирует значимость коллективного преодоления кризиса. Тактика признания ошибок в условиях кризисной коммуникации реализуется через открытые формулы признания *das räume ich ja ein, das ist richtigerweise zuzugeben, das konstatiere ich*, сопровождается репрезентативными иллокутивными актами и усиливается стилистическими приемами (эвфемизмы, эпитеты, анафоры), которые служат инструментом для укрепления доверия, демонстрации гибкости и готовности к диалогу в сложной общественно-политической ситуации.

Тактика признания ошибок может комбинироваться с **тактикой критики**, усиливая речевое воздействие каждой из них.

(14) Dr. Robert Habeck, Bundesminister BMWK (BÜNDNIS 90 / DIE GRÜNEN): Das liegt daran, dass wir – in der Kür gab es natürlich **Abstriche**; **das räume ich ja ein** – mit Entschiedenheit Gesetze vorangebracht haben, Dinge in den letzten gut **15 Monaten** angegangen sind, die **16 Jahre lang liegen geblieben sind** (Plenarprotokoll 20/109, 15.06.2023, S. 75). / «Это связано с тем, что мы – конечно, были определенные уступки, я это признаю – решительно продвигали законы и за последние 15 месяцев занялись вопросами, которые оставались нерешенными 16 лет».

Во фрагменте (14) Роберт Хабек признает упущения в работе *das räume ich ja ein*, но при этом переводит фокус на бездействие прошлых правительств, осуществляя тем самым имплицитную критику. Применение контраста *15 Monate vs 16 Jahre* и гипербола *liegen geblieben sind* подчеркивает масштаб упущений, эвфемизм *Abstriche* смягчает формулировку.

Умеренное использование **тактики корректирующих действий** (8,3%, 157 высказываний) свидетельствует о том, что готовность публично признавать необходимость изменений и демонстрировать гибкость – важный, но не доминирующий элемент речевого поведения представителей правящей коалиции и федерального правительства. Тактика корректирующих действий (Corrective Action) является частью теории восстановления имиджа американского ученого в области политической коммуникации Уильяма Беноита (Benoit, 1995).

Во фрагментах (15-17) прослеживается использование директивных (15-16) и репрезентивного актов (17), которые с помощью различных языковых средств обеспечивают легитимацию власти. Средства усиления иллюкутивной силы – модальные глаголы *müssen, sollen, wollen* – создают ощущение необходимости действий, а в сочетании с условными конструкциями **wenn, auch** – ощущение взвешенности и продуманности. Метафора *nicht in Stein gemeißelt* призвана снизить жесткость суждения и способствовать осуществлению идеи гибкости в принятии мер:

(15) Dr. Hans-Ulrich Krüger (SPD): Weitere Schritte **folgen müssen**, wenn wir eine neue, eine bessere Finanzarchitektur **schaffen wollen** (Plenarprotokoll 16/184, 17.10.2008, S. 23). / «Должны последовать дальнейшие шаги, если мы хотим создать новую, лучшую финансовую архитектуру».

(16) Angelika Krüger-Leißner (SPD): Gesetze sind nicht **in Stein gemeißelt**. Wir **sollten ständig überprüfen**, ob Maßnahmen, die **wir** damals beschlossen haben, heute noch richtig und **wirksam** sind (Plenarprotokoll 16/184, 17.10.2008, S. 95). / «Законы – это не высеченные в камне предписания. Мы должны постоянно проверять, актуальны ли и эффективны ли еще те меры, которые мы тогда приняли».

(17) Bundesminister Dr. Thomas de Maizière: **Asyl- und Flüchtlingspolitik** heißt auch, **unterschiedliche** Schicksale **unterschiedlich** zu behandeln (Plenarprotokoll 16/184, 17.10.2015, S. 36). / «Политика в области предоставления убежища и беженцев означает также, что разные судьбы должны рассматриваться по-разному».

Реализация тактики готовности к корректирующим действиям ярко выражена в период энергетического кризиса 2022-2023 гг. Рассмотрим это на фрагментах (18-20) из дебатов по случаю обсуждения во втором и третьем чтениях проекта Девятнадцатого закона о внесении изменений в Закон об атомной энергии (19. AtGÄndG). В дискурсе представителей правящей коалиции активно используются репрезентативные (18), репрезентативные и комиссивные (19-20) актов, призванные оказать воздействие и укрепить легитимность принимаемых решений, проинформировать о признании необходимости дополнительных мер и изменений, подчеркнуть способность коалиции к адаптации к новым, непредвиденным вызовам. Иллюкутивная сила речевых актов усиливается посредством использования модального глагола *müssen* для создания чувства необходимости и обязательности, применения эмфатических слов и выражений *unumgänglich, lange geprüft, Verantwortung*, усиливающих авторитет и уверенность в высказывании, включения местоимения первого лица множественного числа *wir*, создающего эффект коллективной ответственности и единства власти, перечисления и анафоры (20); отрицания, снижающего резкость и тем самым повышающего восприятие искренности (18-19); полисиндетона *Wir beschleunigen..., wir kaufen..., wir lassen...* (19), создающего эффект масштабности действий коалиции. Прагматический аспект высказываний реализуется в намерении представителей правящей коалиции укрепить легитимность власти в условиях кризиса через риторику ответственности, коллективности и компетентности, позиционировать себя в качестве ответственных акторов, готовых к динамическим корректировкам и продолжению реформ. Использование временных маркеров *heute, in wenigen Monaten* формирует ощущение срочности и последовательности:

(18) Harald Ebner (BÜNDNIS 90 / DIE GRÜNEN): Für mich und meine Fraktion ist die heutige Änderung des Atomgesetzes **eine schwere Entscheidung**. Leider **noch nicht endgültig**; denn nach wie vor ist die Endlagerfrage für den hochradioaktiven Atom Müll **ungelöst**. Der Zeitplan kann, so wissen wir **heute**, nicht gehalten werden (Plenarprotokoll 20/067, 11.11.2022, S. 6). / «Для меня и моей фракции сегодняшнее изменение атомного закона – это тяжелое решение. К сожалению, оно еще не окончательное; ведь вопрос о конечном хранении высокоактивных радиоактивных отходов до сих пор не решен. Как мы сегодня знаем, график выполнения не может быть соблюден».

(19) Carsten Träger (SPD): **Wir beschleunigen** deshalb den Ausbau der erneuerbaren Energien, **wir kaufen** fossile Energieträger in der ganzen Welt, **wir lassen** sogar unsere Kohlekraftwerke länger am Netz, **wir bauen** Flüssiggasterminals in Rekordzeit, inklusive der Infrastruktur im Hinterland, und **wir debattieren** eben auch über den sogenannten Streckbetrieb. **Wir** haben das lange **geprüft**, und ich glaube, es ist auch **unsere Verantwortung als Entscheider in diesem Land**, dass **wir uns** diese **Entscheidung eben nicht leicht gemacht** haben (Plenarprotokoll 20/067, 11.11.2022, S. 9). / «Поэтому мы ускоряем развитие возобновляемых источников энергии, покупаем ископаемые энергоносители по всему миру, даже продолжаем работу наших угольных электростанций дольше обычного, строим терминалы для сжиженного газа в рекордные сроки, включая инфраструктуру в глубинке, и также обсуждаем так называемый продленный режим работы. Мы тщательно это проверили и считаем своей ответственностью как руководителей страны принять это решение, пусть оно и было нелегким».

(20) Carina Konrad (FDP): **Wir ändern heute** das Atomgesetz. Das ist **eine Frage der Vernunft**. Diese **Entscheidung** ist **unumgänglich** geworden. Der Weg, dafür zu sorgen, dass die Energieversorgung in Deutschland gesichert ist, **endet nicht hier am heutigen Tag**; so viel ist auch klar. Wir haben auch **andere Entscheidungen getroffen** ... und wir werden auch **noch andere Entscheidungen treffen müssen** (Plenarprotokoll 20/067, 11.11.2022, S. 10). / «Мы сегодня меняем Закон об атомной энергии. Это вопрос рассудительности. Это решение стало неизбежным. Путь к обеспечению энергоснабжения Германии на этом дне не заканчивается – это очевидно. Мы уже приняли и еще примем другие решения».

В представленных фрагментах прослеживается закономерность в реализации стратегии самозащиты в речевом поведении представителей правящей коалиции и федерального правительства в ситуации кризиса, характеризующаяся консенсусом, единством позиции и повторяющимися стилистическими приемами. Данная особенность, на наш взгляд, принципиально отличает кризисную риторику от внекризисной, в рамках которой «выбор тактических приемов зависит не только от ситуационных факторов, но и от типа языковой личности коммуниканта» (Паршина, 2005, с. 15).

Тактика противопоставления составляет 7,5% (143 высказывания) и реализуется преимущественно репрезентативными иллюкутивными актами. В период финансового кризиса 2008 года чаще всего используется для подчеркивания целей правительства в отношении интересов граждан (фрагмент 22), эффективности Европы в борьбе с кризисом (23), позиции оппонентов в вопросе о необходимости действий (24).

В репрезентативе (21) канцлер констатирует факт и убеждает в его истинности, используя классический прием противопоставления *zum Schutz der Bürger und nicht zum Schutz von Bankinteressen*, который позволяет заручиться поддержкой аудитории. Антитеза в сочетании с метафорой *Der Staat war und ist die einzige Instanz* помогает укрепить доверие к правительству как к гаранту и опоре. Метафора *das Vertrauen zwischen den Banken wiederherstellen* подчеркивает принадлежность к финансовой сфере:

(21) Dr. Angela Merkel, Bundeskanzlerin (CDU): Es hat sich etwas gezeigt, was selten vorkommt: Der Staat war und ist **die einzige Instanz**, um **das Vertrauen** zwischen den Banken wiederherzustellen, und zwar **zum Schutz der Bürger** und nicht **zum Schutz von Bankinteressen** (Plenarprotokoll 16/182, 15.10.2008, S. 9). / «Произошло нечто редкое: государство было и остается единственным институтом, способным восстановить доверие между банками, – и делать это ради защиты граждан, а не ради защиты интересов банков».

(22) Peer Steinbrück, Bundesminister der Finanzen (SPD): Dasselbe gilt übrigens auch mit Blick auf **die häufig gescholtene mangelhafte Handlungsfähigkeit und Zeitökonomie Europas**. Auch hier machen wir die Erfahrung, dass sich Europa **in einer solchen Krise** doch als **sehr viel handlungsfähiger und entscheidungsfähiger** erweist, als wir das je angenommen haben (Plenarprotokoll 16/182, 15.10.2008, S. 14). / «Кстати, то же самое касается и часто критикуемой медлительности и нерешительности Европы. Однако нынешний кризис наглядно показал, что Европа способна действовать куда оперативнее и принимать решения гораздо быстрее, чем кто-либо мог ожидать».

В репрезентативе (22) министр финансов противопоставляет часто критикуемую неспособность реальной эффективности Европы посредством антитезы *die häufig gescholtene mangelhafte Handlungsfähigkeit und Zeitökonomie Europas – sehr viel handlungsfähiger und entscheidungsfähiger*. Гипербола *die häufig gescholtene mangelhafte Handlungsfähigkeit*, эвфемизм *in einer solchen Krise* и сравнение *als sehr viel handlungsfähiger und entscheidungsfähiger* служат укреплению легитимности власти, демонстрируя ее эффективность в кризисе.

(23) Dr. Peter Ramsauer (CDU/CSU): Herr Lafontaine, Sie werfen uns, der Regierung und der Koalition, **sträfliches und fahrlässiges Handeln** vor. Ich **halte** Ihnen **entgegen: Sträflich und fahrlässig** würde in der gegenwärtigen Situation **handeln**, wer **nicht handelt**. Deswegen war es richtig, so **beherzt anzupacken** (Plenarprotokoll 16/182, 15.10.2008, S. 21). / «Господин Лафонтен, Вы обвиняете нас, правительство и коалицию, в преступной и небрежной работе. В ответ хочу сказать: преступно и небрежно в нынешней ситуации было бы бездействовать. Поэтому было правильно действовать так решительно».

В репрезентативе (23) заместитель председателя фракции ХДС/ХСС доктор Петер Рамзауэр опровергает обвинения в адрес правящей (Большой) коалиции (ХДС/ХСС и СДПГ), используя комбинацию из тактик оправдания и противопоставления действий правительства бездействию посредством антитезы *handeln – nicht handelt*. Анафоры *Sträflich und fahrlässig, Handeln – handeln* и эпитет *so beherzt anzupacken* подчеркивают решительность действий правительства.

Во фрагменте (24) данная тактика реализуется посредством директивного речевого акта *Wir müssen handeln*, перлокутивную силу которого усиливают антитеза *das Gegenteil ist der Fall*, метафоры времени *die Zeit drängt erheblich* и *2045 ist für den Gebäudesektor quasi übermorgen*, подчеркивающие срочность решения вопросов, и метафора, подчеркивающая масштаб и сложность предстоящей работы по замене большого количества систем отопления *einen Austausch dieser riesigen Heizungsflotte*.

(24) Klara Geywitz, Bundesministerin für Wohnen, Stadtentwicklung und Bauwesen (SPD): Nein, **das Gegenteil ist der Fall: Wir müssen handeln**, und **die Zeit drängt erheblich**. **2045 ist für den Gebäudesektor quasi übermorgen**, und für **einen Austausch dieser riesigen Heizungsflotte** ist es eigentlich viel zu spät (Plenarprotokoll 20/109, 15.06.2023, S. 78). / «Нет, все наоборот: мы должны действовать, и времени остается крайне мало. 2045 год для строительного сектора – это практически послезавтра, а для замены этого огромного парка отопительных систем фактически уже слишком поздно».

Доля тактики **критики** (6,2%, 118 высказываний) является относительно невысокой по сравнению с другими тактиками, что свидетельствует о том, что коммуникация представителей правящей коалиции в условиях кризиса более склонна к смягчению ситуации (оправдания, акцентирование положительного), чем к открытой конфронтации с оппонентами. Тактика критики реализуется преимущественно репрезентативными иллюкутивными актами. Во фрагменте (25) заместитель председателя фракции ХДС/ХСС доктор Петер Рамзауэр демонстрирует стратегию самозащиты, в которой критика оппонентов и смещение вины направлены на снижение репутационных издержек власти. Усиление этой тактики происходит за счет стилистических приемов, ослабляющих прямооту обвинений при сохранении выраженного осуждения: обобщения *Diejenigen*; эвфемизма, смягчающего обвинение, *sollten nicht so tun*; иронии *als sei es die selbstverständliche Aufgabe der Politik*; имплицитного

противопоставления ответственности за проблему и «естественной задачи политики», что повышает убедительность речи, способствует легитимации власти, формируя образ ответственной и разумной силы, невиновной в кризисе, но обязанной им управлять:

(25) Dr. Peter Ramsauer (CSU): **Diejenigen**, die diese Situation mit verursacht haben, sollten nicht so tun, als sei es die selbstverständliche Aufgabe der Politik, die Dinge **wieder zu richten** (Plenarprotokoll 16/182, 15.10.2008, S. 24). / «Те, кто частично спровоцировал эту ситуацию, не должны делать вид, что для политики является естественной задачей все исправить».

Во фрагменте (26) критика оппозиции выражена депутатом правящей коалиции из Альянса 90/Зеленые Харальдом Эбнером через средства негативной оценки прямо и категорично, что усиливает легитимность позиции правящей коалиции и дискредитирует альтернативную точку зрения:

(26) Harald Ebner (BÜNDNIS 90 / DIE GRÜNEN): Die Union legt uns hier den Ausstieg aus dem Atomausstieg vor. Alle zwei Jahre wollen Sie eine Laufzeitverlängerung machen. Sie nehmen dabei das dadurch entstehende **Risiko billigend** in Kauf (Plenarprotokoll 20/067, 11.11.2022, S. 7). / «Партийный блок Христианско-демократического союза Германии и Христианско-социального союза в Баварии предлагает нам отступить от отказа от атомной энергетики. Каждые два года они хотят продлевать срок эксплуатации атомной электростанции. При этом они сознательно идут на возникновение связанных с этим рисков».

На наш взгляд, критика в речевом поведении представителей правящей коалиции служит в условиях кризиса не средством конфронтации, а скорее инструментом конструктивного оправдания, укрепляющим легитимность власти и ее восприятие как защитника общественных интересов в кризисной ситуации.

Тактика оспаривания составляет 4,8% (92 высказывания). Данная тактика направлена на опровержение не только обвинений в ответственности за кризис, но и негативной оценки. Тактика реализуется преимущественно репрезентативными иллокутивными актами.

В репрезентативе (27) представитель Христианско-социального союза Петер Рамзауэр оспаривает связь кризиса с системой посредством эпитетов *anhaltend* и *freiheitlich*:

(27) Dr. Peter Ramsauer (CSU): Die seit nunmehr einem Jahr **anhaltende** Finanzmarktkrise kann nicht dem Konzept einer **freiheitlichen** Wirtschafts- und Gesellschaftsordnung angelastet werden (Plenarprotokoll 16/182, 15.10.2008, S. 24). / «Нынешний финансовый кризис нельзя вменить в вину свободной экономической и социальной системе».

(28) Peter Bleser (CDU): Sie **diskreditieren** eine unserer **herausragenden** Politikerinnen, die sich sehr früh in Rheinland-Pfalz um die Integration von Flüchtlingen **gekümmert** hat. Als Erste hat sie einen Flüchtlings- und Integrationsgipfel **initiiert**. Sie hat die Kommunen **zusammengeführt**. Sie hat sich in vielen Besuchen um die Situation der zu uns kommenden Menschen **bemüht**. Sie hat sich um sie **gekümmert**, und sie hat sich bei Problemen um Abhilfe **bemüht**. Wenn Sie ihr dann **unterstellen**, dass sie **in eine rechte Ecke rücke**, dann ist das **eine Unverschämtheit**, die ich mit aller Deutlichkeit **zurückweise**. Ich möchte Sie **dringend** bitten, dass wir gerade in dieser besonderen Situation, in der sich dieses Land jetzt befindet, solche **Unterstellungen unterlassen** (Plenarprotokoll 18/127, 01.10.2015, S. 18). / «Вы дискредитируете одну из наших выдающихся политиков, которая очень рано начала заниматься интеграцией беженцев в Рейнланд-Пфальце. Именно она первой инициировала саммит по вопросам беженцев и интеграции. Она объединила муниципалитеты. Во время многочисленных визитов она уделяла большое внимание ситуации людей, прибывающих к нам. Она заботилась о них и предпринимала усилия для устранения возникавших проблем. Если вы теперь утверждаете, что она склоняется к правым взглядам, то это возмутительно, и я самым решительным образом это отвергаю. Я настоятельно прошу вас, чтобы мы именно в этой особой ситуации, в которой сейчас находится наша страна, воздержались от таких обвинений».

Во фрагменте (28) немецкий политик от Христианско-демократического союза Петер Блезер оспаривает обвинения в адрес Юлии Клёкнер. Тактика оспаривания в данном фрагменте реализуется через репрезентативный речевой акт отвержения обвинения *zurückweisen*; аннулирование позиций оппонента посредством перечисления контраргументов *initiiert, gekümmert, zusammengeführt, bemüht*; экспрессивное порицание поведения оппонента *eine Unverschämtheit*; директивный акт по прекращению негативных высказываний *dringend bitten*; заключительный призыв к единству, который нивелирует конфликт, *solche Unterstellungen unterlassen*. Используемые лингвопрагматические средства (анафоры *gekümmert, bemüht*, оценочные выражения *herausragend – eine Unverschämtheit*) ярко усиливают иллокутивную силу оспаривающих речевых актов. Все эти элементы служат инструментарием тактики оспаривания для повышения легитимности и дискредитации оппонента.

Особенностью стратегии самозащиты в условиях кризисной коммуникации является реализация приемов указания на коллективную ответственность и необходимость совместных усилий: *wir sollten uns ehrlich machen; wir sollten nicht aufhören, dafür zu arbeiten; Diese Bedrohungslage ist durch eine große gemeinsame Kraftanstrengung handhabbar gemacht worden; arbeiten wir mit Hochdruck daran; wir müssen; wir müssen handeln*.

Специфика кризисной коммуникации проявляется в частом использовании **метафор**, связанных с преодолением трудностей, совместными усилиями, а также с угрозами и необходимостью срочных действий: *eine große gemeinsame Kraftanstrengung* (большие совместные усилия); *Klimaschutzlücke* климатическая брешь; *Die Zeit drängt erheblich* (время сильно поджимает); *2045 ist... quasi übermorgen* (2045 год – это почти послезавтра); *Austausch dieser riesigen Heizungsflotte* (замена этого огромного «флота» отопительных систем); *nicht in Stein gemeißelt* (не высечены в камне) и др. Данный прием способствует усилению эмоционального воздействия и помогает аудитории лучше осознать масштаб кризиса, необходимость объединенных усилий и срочность принимаемых мер, смещает фокус с индивидуальной ответственности на общенациональную задачу.

Результаты количественного анализа свидетельствуют о заметной функциональной стратификации актуализируемых тактик: оправдание как ведущая тактика занимает 22% (412 высказываний) от общего числа высказываний, что указывает на доминирование нарративов вынужденности, необходимости и рационализации, сопровождающих антикризисную риторику. Важным инструментом поддержания политической легитимности в речевом поведении правящей коалиции в условиях кризиса является тактика акцентирования положительного (16%, 306 высказываний), выступающая дополнением к тактикам самозащиты и способствующая комплексному управлению восприятием аудитории. Тактика признания проблемы и ошибок встречается в 11% случаев (211 высказываний), отражая высокий уровень транспарентности дискурса и стратегическую открытость к констатации трудностей и вызовов. Умеренное использование тактики корректирующих действий (8,3%, 157 высказываний) свидетельствует о том, что готовность публично признавать необходимость изменений и демонстрировать гибкость – важный, но не доминирующий элемент речевого поведения представителей правящей коалиции и федерального правительства. Тактика противопоставления реализована в 7,5% высказываний (143 высказывания) посредством апелляции к бинарным оппозициям (мы/они, правильный/неправильный путь) в целях консолидации электоральной поддержки и четкого разграничения позиций. Доля тактики критики (6%, 118 высказываний) является относительно невысокой по сравнению с другими тактиками, что свидетельствует о том, что коммуникация депутатов правящей коалиции более склонна к смягчению ситуации (оправдания, акцентирование положительного), чем к открытой конфронтации. Тактика оспаривания встречается в 4,8% случаев (92 высказывания), будучи способом публичной нейтрализации обвинений и укрепления авторитета за счет диспута с оппозицией. Отличительной особенностью реализации стратегии самозащиты в поздних кризисах (COVID-19, энергетический кризис 2022-2023 гг.) является реализация тактики признания ошибок или недостаточности прежних действий правительства. Данная тактика составляет 2,8% (54 высказывания) и относится к «гибким» тактикам. Относительный вес тактик, обнаруженных в корпусе, отражает приоритеты правящей коалиции в публичных выступлениях: снижение конфликтности, преобладание рационализации и коллективных ценностей.

Анализ языковых средств свидетельствует о том, что в речевом поведении в условиях кризиса доминируют категории, связанные с институциональной ответственностью, необходимостью и неизбежностью принятия решений: Maßnahmen / «меры» (34 лексемы), Schritte / «шаги, действия» (16 лексем), Entscheidung / «решение» (12 лексем); восстановлением и поддержанием ключевых основ функционирования государства и общества в стрессовых условиях: Vertrauen / «доверие» (21 лексема), Gesetz / «закон» (19 лексем), Solidarität / «солидарность» (14 лексем), Wirtschaft / «экономика» (13 лексем); демонстрацией коллективной ответственности: Verantwortung / «ответственность» (18 лексем). Присутствие слова Krise / «кризис» (29 лексем) подчеркивает постоянную рефренность сложной ситуации, а частое упоминание Solidarität / «солидарность» и Vertrauen / «доверие» говорит о стремлении мобилизовать гражданское согласие вокруг действий правительства / Regierung (17 лексем). В совокупности частотный профиль лексики свидетельствует о том, что легитимация власти строится через рационализацию и коллективизацию ответственности, а также демонстрацию прагматичной готовности к принятию непопулярных, но необходимых решений в интересах общества.

Полученные результаты исследования лингвопрагматических механизмов легитимации власти представителей правящей коалиции и федерального правительства в условиях кризиса потенциально экстраполируемы на политический дискурс и практику самозащиты в целом с учетом контекстуальных ограничений (фокус на парламентский дискурс ФРГ, жанровый и институциональный контексты, хронологические рамки, акцент на стратегии самозащиты).

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что стратегия самозащиты выступает ключевым механизмом, посредством которого власть в условиях кризиса осуществляет проактивное формирование позитивного образа и восстановление легитимности через адаптацию речевого поведения к изменяющимся социальным ожиданиям. Рассмотрение стратегии самозащиты как ключевого механизма легитимации обусловило фокусировку на языковых и прагматических средствах, отражающих не только саму защиту авторитета власти, но и ее способность к самоотражению, открытой коррекции, переориентации риторических акцентов от индивидуальной самозащиты к коллективному единству и ответственности.

Универсальным механизмом легитимации власти для всех типов кризиса является применение тактики оправдания непопулярных мер посредством ссылок на объективные обстоятельства, масштаб угрозы и отсутствие альтернатив; преобладание репрезентативных и директивных иллокутивных актов с высокой модальной нагрузкой (мы должны, необходимо, безальтернативно); применение метафор кризиса и временных маркеров, обозначающих срочность и значимость происходящего, эвфемизация негативных аспектов мер; акцент на заботе о коллективном благе.

Трансформация выявленного универсального механизма обусловлена спецификой каждого кризиса и демонстрирует динамичный и устойчивый легитимирующий потенциал политического дискурса. В период острого финансово-экономического кризиса 2008 года представители правящей коалиции и федерального правительства структурируют легитимацию власти преимущественно на дискурсивной оппозиции «беспрецедентность вызова – особость ответной реакции». В речевом поведении доминируют следующие лингвопрагматические механизмы: апелляция к уникальности и масштабности кризиса, оправдание принимаемых мер через

указание на их вынужденность и неизбежность, легитимация через коллективную ответственность, директивные и репрезентативные иллокутивные акты, противопоставляющие правильность действий бездействию или оппонентам. Наиболее ярко выражены тактики оправдания, противопоставления, критики и оспаривания, в то время как признание ошибок и готовность к корректирующим действиям выступают как стратегический элемент будущих шагов, подчеркивая долгосрочный план и контроль ситуации.

Основным лингвопрагматическим механизмом легитимации власти в условиях миграционного кризиса 2015 года выступает апелляция к национальным и европейским ценностям, а также к исторической ответственности Германии. В ситуации, связанной с миграционной политикой и интеграцией, доминирующими тактиками самозащиты являются: оправдание, открытое признание сложностей и неоднородности ситуации с беженцами и мигрантами, акцентирование положительного, уточняющего противопоставления, оспаривания и защиты репутации представителей правящей коалиции, директивных речевых актов, выражающих призыв к солидарности и избеганию внутренних конфликтов.

В условиях пандемии COVID-19 (2019-2021 гг.) наблюдается значительный сдвиг лингвопрагматического механизма легитимации власти в сторону транспарентности (признание серьезности проблемы), опоры на честный диалог и принятие уязвимости власти (признание ошибок). Акцент на беспрецедентности ситуации снижает давление на институты власти, легитимируя практику поиска решений методом проб и ошибок. Отмечается доминирование директивных актов, апеллирующих к срочности и коллективной ответственности. Введение нарратива готовности к корректировкам и выводам из прошлых решений увеличивает степень доверия к властям. Прагматика эмоциональной честности вызывает эффект сопричастности, формируют доверие посредством демонстрации честного диалога.

Лингвопрагматические механизмы энергетического кризиса 2022-2023 гг. характеризуются максимальной мобилизующей функцией и прагматичной рационализацией (оправданием) антикризисных решений посредством внешней атрибуции причин (геополитика, санкции, международные рынки); безальтернативности, выражаемой директивными модалными формами, что позволяет ослабить поле для оппозиционной критики; демонстрации коллективного усилия и солидарности посредством личного местоимения *wir*, полисиндетона, анафор; тактики готовности к корректирующим действиям; опоры на оценочную и эмоциональную лексику, фреймы срочности, модернизации и структурных реформ.

Таким образом, в каждый из периодов кризиса речевое поведение представителей правящей коалиции и правительства ФРГ приспосабливается к социально-политическим вызовам посредством уникальных лингвопрагматических механизмов легитимации власти. Их ядром выступает стратегия самозащиты, особенностью которой является уход от риторической конфронтации в пользу публичного единства, солидаризации и рациональной открытости, что позволяет поддерживать доверие к власти на фоне трансформирующихся общественных ожиданий.

Полученные результаты демонстрируют, что в речевых актах представителей одной партии отчетливо фиксируется устойчивая закономерность риторических средств, которая соответствует идеологическим основаниям, историко-политическим задачам и текущему статусу партии, проявляясь в стилистических, лексико-грамматических и прагматических особенностях публичного дискурса, что позволяет не только реконструировать специфику партийной риторики, но и прогнозировать сценарии публичного поведения акторов в новых кризисных ситуациях. Так, для речевого поведения представителей объединенной фракции двух немецких консервативных политических партий Христианско-демократического союза Германии и Христианско-социального союза в Баварии, входящей в состав правящей коалиции в периоды финансового кризиса 2008 года, миграционного кризиса 2015 года и пандемии COVID-19, характерно системное использование тактики оправдания своих решений через акцент на объективных сложностях и «непростых обстоятельствах»; тактики признания проблем, что формирует ощущение реализма и ответственности; тактики акцентирования положительного для демонстрации реальных действий и достижений. Следует отметить активное применение тактик противопоставления и оспаривания для защиты имиджа и разграничения своей позиции от оппонентов или виновников кризиса. В период пандемии добавляется важная тактика корректирующих действий, подтверждающая адаптацию речевого поведения к ситуации и условиям кризиса в целом.

Анализ речевого поведения представителей Социал-демократической партии Германии, входящей в состав правящей коалиции в периоды миграционного кризиса 2015 года, пандемии COVID-19 и энергетического кризиса 2022-2023 гг., позволил выявить последовательное сочетание открытого признания масштабности и сложности проблем, оправдания экстраординарных мер, основанных на социально ориентированном и ответственном подходе, акцентирования положительного, готовности к корректирующим действиям в стратегической перспективе, оспаривания критики, что свидетельствует о высоком уровне коммуникативного контроля и стремлении сохранить доверие и легитимность в периоды неопределенности.

Речевое поведение представителей Свободной демократической партии (СвДП), вошедшей в состав правящей коалиции в период 2021-2025 гг., на который приходится энергетический кризис, сосредоточено на оправдании ключевых экономических позиций, особенно в вопросах фискальной дисциплины и ограничения бюджетного дефицита, признании проблем экономического и финансового характера, критике расширяющихся социальных и антикризисных расходов других партнеров коалиции.

Представители Зеленой политической партии в Германии в период энергетического кризиса 2022-2023 гг. реализуют механизм легитимации власти посредством тактик признания сложности кризиса, рационального

оправдания мер, акцентирования достижений и управленческой эффективности, стратегического противопоставления своих действий действиям оппонентов, готовности к постоянному реформированию и адаптации, что поддерживает устойчивость и легитимность партии в изменяющихся условиях.

Полученные выводы вносят значительный вклад в теорию и практику лингвопрагматики, расширяя понимание механизмов легитимации власти в современном парламентском кризисном дискурсе Германии. Дальнейшие исследования могут быть направлены на расширение корпуса эмпирического материала за счет анализа речевого поведения представителей правящей коалиции и федерального правительства в условиях правительственного кризиса 2024 года. Перспективным является комплексный анализ механизмов легитимации власти в условиях кризиса через призму стратегии самозащиты в цифровой среде и социальных медиа, что позволит сформулировать общие практические рекомендации для повышения эффективности антикризисной политической коммуникации.

Материалы исследования | Research materials

1. Deutscher Bundestag. Protokolle. <https://www.bundestag.de/protokolle>
2. Deutscher Bundestag. Plenarprotokoll 16/182. 15.10.2008.
3. Deutscher Bundestag. Plenarprotokoll 16/184. 17.10.2008.
4. Deutscher Bundestag. Plenarprotokoll 18/127. 01.10.2015.
5. Deutscher Bundestag. Plenarprotokoll 19/154. 25.03.2020.
6. Deutscher Bundestag. Plenarprotokoll 19/222. 16.04.2021.
7. Deutscher Bundestag. Plenarprotokoll 20/067. 11.11.2022.
8. Deutscher Bundestag. Plenarprotokoll 20/109. 15.06.2023.

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1999.
2. Глушак В. М. Лингвопрагматический аспект речевого поведения коммуникантов в ситуациях повседневного общения (на материале немецкого языка): дисс. ... д. филол. н. М., 2010.
3. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
4. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии. Политический дискурс: история и современные исследования. М.: ИНИОН РАН, 2002.
5. Дойникова М. И. Речевое поведение депутатов партии «Альтернатива для Германии» (на материале протоколов бундестага) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 3. <https://doi.org/10.30853/phil20250120>
6. Зимина Н. В. Речевые стратегии и тактики в тексте выступления канцлера ФРГ Олафа Шольца на пресс-конференции 21 декабря 2021 г. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 8 (171).
7. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд-е 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
8. Кармак П. Н. Политическая коммуникация как фактор легитимации политической власти: автореф. ... к. полит. н. СПб., 2007.
9. Колмогорова А. В. Легитимация как социополитический феномен и объект дискурс-анализа // Политическая лингвистика. 2018. № 1. <https://doi.org/10.26170/pl18-01-03>
10. Крячкова А. П. Лингвопрагматические средства реализации вербальных атак на имидж политических партий Германии: дисс. ... к. филол. н. М., 2019.
11. Остин Дж. Слово как действие. Лекции // Новое в зарубежной лингвистике: сборник статей. М.: Прогресс, 1986. Вып. XVII. Теория речевых актов.
12. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дисс. ... д. филол. н. Саратов, 2005.
13. Перминова Г. В. Прагматические средства реализации стратегии самозащиты: анализ иллокутивных актов в речи Олафа Шольца // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 5. <https://doi.org/10.30853/phil20250257>
14. Пильгун Е. В. Семантика и прагматика кризисного дискурса: автореф. дисс. ... к. филол. н. Мн., 2019.
15. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М. – К.: Рефл-бук; Ваклер, 2001.
16. Рядовая Н. С. Сопоставительный анализ аргументативных стратегий политического дискурса в кризисной ситуации: на материале речей президентов США и России: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2013.
17. Серль Дж. Что такое речевой акт? Лекции // Новое в зарубежной лингвистике: сборник статей. М.: Прогресс, 1986. Вып. XVII. Теория речевых актов.
18. Стернин И. А. Коммуникативная модель значения и ее объяснительные возможности // Семантика слова и синтаксической конструкции: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987.
19. Хлопотунов Я. Ю. Конфронтационные коммуникативные стратегии в американском политическом дискурсе: дисс. ... к. филол. н. М., 2022.

20. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта, 2006.
21. Чурашова Е. А. Дискурсивные стратегии политической коммуникации в кризисной ситуации: автореф. дисс. ... к. полит. н. Казань, 2013.
22. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
23. Beetham D. The Legitimation of Power. L.: Palgrave MacMillan, 1991. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-21599-7>
24. Benoit W. L. Accounts, excuses, and apologies: A Theory of Image Restoration. Albany: State University of New York Press, 1995.
25. Benoit W. L. Image restoration discourse and crisis communication // Public Relations Review. 1997. № 23.
26. Bourdieu P. Social Space and Symbolic Power // Sociological Theory. 1987. Vol. 7. № 1. <https://doi.org/10.2307/202060>
27. Burkhardt A. Das Parlament und seine Sprache: Studien zu Theorie und Geschichte parlamentarischer Kommunikation. Tübingen: Niemeyer, 2003.
28. Coombs W. T. Ongoing Crisis Communication: Planning, Managing, and Responding. 6th ed. N. Y.: SAGE Publications, 2022.
29. Dieckmann W. Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache. Mit einem Literaturbericht zur 2. Auflage. Heidelberg: C. Winter Universitätsverlag, 1975.
30. Dijk T. A. van. Discourse, context and cognition // Discourse Studies. 2006. № 8 (1).
31. Hearit K. M. Corporate apologia: when an organization speaks in defense of itself // Handbook of Public Relations / ed. by R. L. Heath. Thousand Oaks: Sage, 2004.
32. Leeuwen T. van, Wodak R. Legitimizing immigration control: a discourse-historical analysis // Discourse Studies. 1999. № 1 (1).
33. Reyes A. Strategies of legitimization in political discourse: from words to actions // Discourse & Society. 2011. № 22 (6). <https://doi.org/10.1177/0957926511419927>
34. Spieß C. »Dieser Fehler ist einzig und allein mein Fehler« – Politische Kommunikation im Zeichen der Coronapandemie // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 2021. № 51 (3). <https://doi.org/10.1007/s41244-021-00207-1>
35. Wodak R., Chilton P. A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis. Theory, Methodology and Interdisciplinarity. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005. <https://doi.org/10.1075/dapsac.13>
36. Wodak R., Meyer M. Critical discourse analysis: history, agenda, theory and methodology // Methods of Critical Discourse Analysis. 2009. № 2 (1).

Информация об авторах | Author information

Перминова Галина Валерьевна¹

¹ Московский государственный институт международных отношений (МГИМО МИД России)

Galina Valeryevna Perminova¹

¹ Moscow State Institute of International Relations (MGIMO)

¹ perminowa_gv@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 21.07.2025; опубликовано online (published online): 21.08.2025.

Ключевые слова (keywords): стратегия самозащиты; легитимация власти; кризис; немецкий парламентский дискурс; лингвопрагматические механизмы; self-defense strategy; legitimization of power; crisis; German parliamentary discourse; linguo-pragmatic mechanisms.